Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона[1]

О.Б. Божков, И.В. Троцук

Олег Борисович Божков, старший научный сотрудник Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

В статье обозначены жизненные траектории представителей тех национальных групп, что оказались в разное время активными сельскими предпринимателями в Северо-Западном регионе России. К сожалению, прежде национально-этнический аспект сельского предпринимательства выпадал из фокуса наших исследовательских проектов (см., напр.: Божков, 2019; Божков, Игнатова, 2015; 2017; Божков, Троцук, 2018; Игнатова, 2016). В статье обозначены проблемы, с которыми столкнулись как мигранты из бывших республик Советского Союза, так и внутренние мигранты, оказавшиеся в зоне рискованного российского земледелия. Эмпирическая база статьи — материалы социологических экспедиций (транскрипты интервью и записи полевых наблюдений), осуществленных при поддержке РГНФ/РФФИ в периоды с 2005 по 2008 и 2018–2019 годы. Рассмотренные четыре «кейса» подтвердили гипотезу, что, независимо от миграционно-поколенческой траектории и длительности жизни в российском селе, все предприниматели сталкиваются с одними и теми же проблемами (кадровый голод, заброшенная производственная и разрушающаяся социальная инфраструктура, дорогие кредиты и жесткий налоговый и отчетный прессинг «сверху» — несмотря на декларативно-номинальную государственную поддержку, общая атмосфера социального недоверия, отсутствие традиций и навыков реального кооперирования и т. д.), а если они и имеют некоторую специфику, то таковая обусловлена не национально-этническим фактором, а реак-

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья» (2018–2020, руководитель — А.М. Никулин). Проект является повторным кейс-стади по отношению к проектам, которые были реализованы в 2005–2008 годы при поддержке РГНФ — «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни (на материале Северо-Западного региона)» (руководитель — О.Б. Божков).

цией давно сложившегося сельского сообщества на «чужаков», устанавливающих свои порядки и нарушающих устоявшееся течение местной жизни (с ее безработицей, обнищанием, запустением и пьянством).

Ключевые слова: миграция, национальная принадлежность, сельское предпринимательство, северное Нечерноземье, местные сообщества, кооперация, государственная поддержка

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-162-179

Почему в названии статьи указан интернационал, тем более советский? По очень простой причине: за время наших экспедиций по семи районам Северо-Западного региона мы встречали представителей практически всех бывших союзных республик. Перестройка, а затем развал СССР привели в движение огромные массы людей, и миграционные процессы только усилились после того, как в разных точках постсоветского пространства разгорелись конфликты под лозунгами обретения национального суверенитета. При этом из республик Средней Азии и Южного Кавказа уезжали не только русские, украинцы и белорусы. И миграция 1990-х годов — не первая волна в оттоке населения с этих территорий, порожденном различными причинами. И, несмотря на то, в каком поколении наши информанты живут в обследованных районах северного Нечерноземья, свою национальную идентичность они артикулируют очень четко. Однако речь не идет о характеристике этнического предпринимательства (напр., по модели: Уолдингер, Олдрич, Уорд, 2008) — только об оценке роли миграционно-поколенческой траектории в предпринимательской карьере наших сельских информантов.

Проект нацелен на изучение социального самочувствия вполне конкретной группы — сельских предпринимателей (руководителей колхозов, кооперативов, сельскохозяйственных предприятий и фермеров), поэтому герои представленных ниже повествований — только те представители сельско-предпринимательского слоя, с которыми мы лично общались в ходе социологических экспедиций. Преимущественно в обследованных районах среди фермеров и руководителей сельскохозяйственных предприятий в качестве мигрантов представлены выходцы из регионов Кавказа (армяне, грузины, дагестанцы), а также украинцы и молдаване (табл. 1). Если в первом экспедиционном туре 2005–2008 годов среди сельских предпринимателей Северо-Западного региона удалось обнаружить лишь троих выходцев из республик бывшего Советского Союза, то 2018–2019 годы — уже девятерых, и шестеро — выходцы из республик Южного Кавказа.

Таблица 1
Иммигранты среди фермеров в обследованных районах

Годы	2005–2008				2018–2019			
Район	Армения	Дагестан	Другие	Всего	Армения	Дагестан	Другие	Всего
Бокситогорский				3		2	1	17
Бабаевский			1	11	1			11
Кадуйский				5				6
Устюженский		1		13		1		13
Пестовский				14	1		3	15
Лесновский				10				5
Максатихинский		1		19				10
Итого		2	1	75	2	3	4	70

Здесь, видимо, сказываются две тенденции: с одной стороны, за прошедшие годы усилились темпы внутренней миграции — все больше людей снимаются с мест в депрессивных, сельских, периферийных районах и уезжают в города за заработком и лучшей жизнью (Северный Кавказ выделяется в силу усугубляющих миграционный отток факторов — высокой рождаемости, низкого уровня зарплаты и высокой безработицы). С другой стороны, наблюдается и миграционный приток в Россию выходцев из Южного Кавказа, который также обусловлен социально-экономическими факторами, но не менее важны и тлеющие очаги межэтнических территориальных конфликтов (см., напр.: Миграционные процессы..., 2014).

Будучи ограничены объемами статьи, мы сосредоточимся на двух «кейсах» — армянском и дагестанском (о возможностях кейс-стади в сельско-социологических исследованиях см., напр.: Овчинцева, 2020; Румер-Зараев, 2020; Троцук, 2007). Другая причина фокусировки на этих показательных примерах сельско-предпринимательского постсоветского интернационала состоит в том, что жизненный опыт попавших в поле проекта грузин оказался не сопоставим с общим исследовательским контекстом: один предприниматель уже в 2008 году находился на грани банкротства и ко второму полевому этапу умер; другой, напротив, оказался весьма успешен, но переехал на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, где у него прибыльный строительный бизнес,

поэтому своим сельскохозяйственным предприятием в Устюженском районе он задолго до пандемии стал руководить «в дистанционном режиме». Что касается молдавских и украинских фермерских хозяйств, с главами которых нам удалось побеседовать в ходе полевых исследований, то эти предприятия находятся на начальной стадии становления, поэтому сложно сопоставлять их ситуацию с большинством обследованных фермерских хозяйств, и было решено не включать их в обзор.

Представленные ниже транскрипты интервью организованы следующим образом: национальность героя; время его (или родителей) появления в сельском районе; проблемы, с которыми он столкнулся; степень успешности или неуспешности хозяйства; как правило, приезжие и местные жители сталкиваются с одними и теми же проблемами, поэтому акцент сделан на самых острых из них — кадры, сбыт продукции, получение грантов и субсидий и, конечно, общая эффективность сельскохозяйственной деятельности.

Итак, наш первый информант — Ашот Д., 44-летний уроженец Армении, оформивший крестьянско-фермерское хозяйство в Бабаевском районе в 2012 году и отказавшийся рассказать об обстоятельствах переезда из Армении в Россию. Несмотря на то что его хозяйство в районе считается вполне успешным, проблем у него много *«в прямом смысле... местные люди не работают, не хотят работать. У меня приехали мигранты, один узбек и двое армян. Я дом купил, от фермы метров сто. Недавно уголовное дело завели на меня, что работники не живут по месту регистрации, хотя они приходят домой обратно... Решили эту проблему вроде. А там есть загон — рядом с фермой прямо, где-то 30 гектаров... Они на меня наехали: "Кто ты такой? Приехал сюда... Это наша деревня". Я не стал ни с кем ругаться, оставил им. А теперь жалуются, что моя скотина в их огород лезет, хотя мы стараемся пасти так, чтобы от греха подальше... Хотя они должны, наверное, свой огород огородить, правильно? Я в деревне родился, я видел, что у каждого человека свой огород огорожен так, чтобы никто не лез туда. Они наезжают конкретно на меня... Я приехал к главе администрации и сказал: "Извините, но я, наверное, не буду этим заниматься, если так пойдет, потому что не дают работать" ...Вот, с области приехали, два раза у нас проверка была... — им все понравилось: я показал магазин свой, где продаю продукцию свою — яйца домашние, мясо... просто пальчики оближете..., мы делаем свой сыр, брынза называется — я молоко не сдаю, потому что у меня нет танка-охладителя. Сейчас будет — на грант на 3 млн я документы уже подал, отправил в Вологду. Сейчас они будут рассматривать... Я в гранте заказал транспортеры — мы зимой вручную все вытаскивали..., трактор хотя бы бэушный, косилку, грабли, боронник я сам куплю, я уже нашел, где купить его, холодильник, танк-охладитель — это 100% надо, 15 голов, 1,5 миллиона у меня*

только на крупный рогатый, т. е. я нетелей буду покупать... Если деньги выделят сейчас, может быть, я 20 голов куплю».

В отличие от большинства фермеров, у Ашота в целом нет проблем со сбытом — всю свою продукцию он продает в собственном магазине, причем только свою: *«Зачем мне другие фермеры? Я даже свою продукцию не могу реализовать... Например, моя свинина по себестоимости стоит 300 рублей, и я не понимаю, как магазины продают по 200–220. У меня чисто зерно едят они, мы мелем кукурузу, пшеницу, ячмень, овес, гречу даже вожу. У меня мельница куплена, мы сами мелем это все. У меня годовой поросенок 80 килограмм, от силы 100 килограмм, надо полтора года держать, чтобы он 150 был... Это по себестоимости выходит 300 рублей, не дешевле. Но это мясо стоит того — кусок съел и все, уже сытый».*

Своей главной проблемой Ашот считает недостаток и качество рабочей силы. По его наблюдениям, молодые местные слишком много пьют, сплошь «хроники»: *«Вот одна девушка пришла позавчера, попросилась доить коров — у меня итальянский аппарат доения куплен на 20 голов. Я с радостью принял — идите, пожалуйста, только не пейте, нельзя. После работы — как хотите, идите к себе домой, пей сколько хочешь, лишь бы утром трезвая пришла. Но бесполезно — с утра приходит, а глаза уже косые... И это девушка, у нее дети ходят — без матери, без отца... Ужас просто, обидно даже». А пожилые местные либо не могут работать в силу возраста, либо не хотят из принципиальных соображений: «Только хают: в этой деревне кто хорошо живет — тех никто не любит. Начинают завидовать. И сами ничего не делают, и другим не дают полезным делом заниматься... Вот даже в колхозе нормальный человек работает, Яковлев, — так его тоже хают свои работники... Он работает для них для всех, а его не поддерживают — как колхоз будет развиваться? ...В свое время этот колхоз был миллионером... А осталась только эта ферма — где мой скот. И эту ферму, когда я уже с Яковлевым договорился, что я ее покупаю, я на две недели поехал в отпуск, из отпуска вернулся — как после бомбежки ферма была... Вырвали все рельсы с фермы, все металлоконструкции — трактор загнали гусеничный и вырвали все. Я все восстановил. Хотя, как я понимаю, они должны рады быть, что я появился. Ведь даже загон зарос, все заросло, все просто пустует».*

Ферма Ашота постоянно балансирует на грани нехватки рабочих рук: *«С работниками у меня проблема. У меня сейчас коров доит мужчина — и доит, и пасет, и овец пасет. Всего трое человек, и один завтра должен уехать — останутся двое. Я уже по-всякому к деревенским подходил — и уговаривал, и подходами подходил, лишь бы люди пришли работать... Уезжают в город, в другие места — те, которые нормальные, работящие. А которые остались — их надо заставить, но они пьют... Так и будем жить? Так помрем, и все — нас не будет. Это самый больной вопрос».*

Второй наш респондент — Артем Б. — родился в Армении в 1977 году в селе Бердашен Ширакской области, где проучился до десятого класса, потом отслужил два года в армии и только после этого вынужденно уехал на заработки в Россию и с 2003 года живет в Пестово. В 2008 году Артем оформил крестьянско-фермерское хозяйство, а недавно открыл еще одно фермерское хозяйство, но оформленное на сына: *«Молодняком будет заниматься. Я, честно сказать, буду закрывать свое хозяйство — дойные стада. А ему молодняком заниматься — посмотрим, как чего будет. Отдали ему на откорм 40 бычков — пускай занимается... Он сейчас учится в Боровичах на механика... А у меня начало большое было, а потом чем дальше — тем хуже и хуже... Все остыло у меня, абсолютно все — ничего я не хочу... Покупали в то время солярку по 7 рублей, сейчас уже стало 47–49, а у нас продукты так и остались — молоко по 18 рублей, мясокомбинат по 87 рублей высшую категорию мяса принимает... 100 голов у меня сейчас с молодняком вместе... А техника стоит на поле — нечем заправлять. Отправляешь молоко — денег нет у них, трудно, тяжело, не могут перечислять. Не отправляешь молоко — куда сдавать? ...Передо мной здесь был хозяин — такая же ситуация: все дорожает — корма дорожают, солярка дорожает, запчасти дорожают, свет дорожает, вода дорожает, а молоко-мясо — как есть».*

Главная проблема Артема — сбыт продукции и особенно закупочная цена мяса и молока, причем и без того сложная ситуация ухудшилась в последнее время: *«Таких проблем, а я почти восемь лет работаю, не было у меня... Хоть 5–10 тысяч они перечисляли мне... А в последние два-три месяца что-то никак. У них тоже, может быть, проблемы — я об этом не обижаюсь, ничего не могу им сказать. Спасибо, хотя бы они принимают по этой цене — больше никто и нигде не принимает... В соседнем районе принимают по 25–30 рублей, но объем — 5 тонн. Где я столько молока найду — 500 литров не могу организовать на сегодняшний день. А 5 тонн куда я буду девать? Подняться — ради бога, могу сделать 200 голов. А толку-то? Как продавать или сдавать — еще на колене посиди, умоляйся, 150 раз звони... На словах-то в Новгороде все хорошо — у меня все совпадало, можно было на 45 дойных коров в том году грант получить, около 20 млн. Но я остановился на 5 млн — чтобы не крутиться, а на свои возможности... Эти 5 млн пропали — стали 3, а потом и 3 пропали — работай, как хочешь. Не получилось у меня — этого не хватает, того не хватает, работников надо официально оформлять — я все это делаю... Сейчас у меня работают один пастух, одна доярка, остальное техником я сам делаю... Сено заготавливаем, продаем — такой же фермер покупает, но до сих пор денег нет. Я тоже так живу — понимаю, за зимний корм еще деньги не получил».*

Артем жалуется на бедность населения, которое раньше могло покупать его мясо за справедливую цену, а теперь не может: *«Когда мы приехали, ...звонили люди, покупали домашнее мясо. В то время*

покупали корма по 190 рублей 40 килограмм, и качество было другое! Мясо продавали — где-то по 180–200 рублей... В очередь стояли люди, заказывали целые туши... А сейчас привезешь по 200–250 рублей — не нравится, потому что у людей денег нет, не могут купить. Поэтому у нас сейчас цена на свинину — 180–190 рублей. Ради бога, любую часть выбирай. А за 180 рублей продавать — это получается, что в другом месте мне надо работать, привезти сюда, завести поросенка, поднять и просто так людям отдавать... В ноль даже не выхожу — в минус выхожу, если сено не продаю, если своей грузовой машиной в рейс не еду... Все, с кем разговариваю из фермеров, все в слезы уходят — всем плохо, ни у кого нет денег, все живут одним днем».

Помощи со стороны администрации района Артем не видит — иногда с пониманием к этому относится, иногда злится, но чаще испытывает горькое разочарование, потому что представители районной администрации кормят его пустыми обещаниями: *«Глава был, обещал мне один раз отдать уазик, потому что дорога стала слишком плохая. Обещали сегодня-завтра, сегодня-завтра, и эта тема тоже пропала... Весной у администрации стояла какая-то машина, но вместе со снегом растаяла... К нынешнему главе я один раз с делами подошел и больше не подойду... У меня весь скот сдох... Поехал туда — обещали, если сегодня воды и света не будет, то завтра помогут. Шесть дней коровы без воды стояли. Я понимаю, авария общая, я никого не обвиняю. Я подошел к главе и говорю: "Хотя бы пожарную машину или чего-нибудь дайте воду привезти, а то зима, снега по колено — ну никак"...Он мне обещал, что если сегодня света не будет, то завтра отправит мне генератор, чтобы вода была. Шестой день пошел: дверь открываешь — коровы ревут. Я стал злой: дверь открыл, коров в поле отпустил... Одна сдохла, две выжили... Не буду больше ходить, умолять, потому что я не ворую, не краду, ничего не делаю плохого, работаю, а толку нету».*

Артем уверен, что местные и региональные власти могли бы ему помочь, если бы захотели: *«Мне сбыт надо — больше ничего... В первую очередь сбыт, во вторую очередь, если получится, — помещение или хотя бы какой-нибудь лес отдали каждому фермеру — хоть 50 кубов или 10–20 кубов. Хоть сухостоя! ...Иначе фермы упадут. Приехали тут как-то с Новгорода до меня — я всех просил лес выписывать, чтобы хоть как-нибудь могли фермы ремонтировать... Полы покупали, доски меняли, потому что все под ногами гниет... А были бы хотя бы 10 кубов материала, поставили бы пару человек, сняли все полностью, все заново сделали... А пока метр здесь меняем, метр завтра там меняем... На каждой стороне валят лес и валят, а нам — ничего... А все остальное... Ну не навешу же я все государству, не могу сказать и не говорю, что все они виноваты».*

Перейдем к дагестанским сельским «кейсам». Наш первый респондент — Магомед М. — родился в Шамильском районе Дагеста-

на в 1974 году. Его отец был каменщиком, строил дома из булыжника, и многие люди до сих пор вспоминают его как хорошего мастера. Мать Магомеда умерла, когда ему было шесть лет. В школе он учился неплохо, но не смог никуда поступить после ее окончания и начал работать на колхозах и фермах Кочубеевского района: сначала год отработал чабаном, потом ему доверили отару в 1300 голов, позже стал заведующим фермы. Он поступил в Дагестанский государственный университет, но ушел с четвертого курса юридического факультета и в 2014 году приехал в Бокситогорский район Ленинградской области, где в 2015 году основал фермерское хозяйство.

Как и другие респонденты, Магомед критически отзывается о грантах, которые, казалось бы, должны помогать сельским предпринимателям. *«Я получил грант в 2016-м, но в 2017-м не был рад ему... Потому что, например, сено косить погоды нет, корма надо заготавливать... Я обратился в администрацию: "Разрешите — мне дешевле будет загрузить две фуры, увезти баранов в Дагестан, там у моего племянника 800 гектаров земли. Оформлю бумаги, как надо, все, как положено, хотите — пробиркуем, прочипуем, что надо, сделаем. Мне это дешевле будет — зимой отвезти их туда, а весной привезти". Но в Питере администрация не разрешила. Не знаю — какое-то недоверие ко мне или что-то... Я не понимаю суть недоверия этого... Я же это хозяйство не для кого-то делаю — изначально, принципиально это для себя и для тех, кто хочет у меня купить это мясо. И какой-то жажды наживы на фермерстве нет — там нет больших денег... Пока в ноль выхожу... Например, стадо идет по полю, 500–600 голов, и у людей в голове срабатывает арифметика — видят в каждом баране по 80 тысяч рублей. В рублевом эквиваленте они видят это стадо. Но я-то прекрасно понимаю — чтобы их содержать в течение года, сколько надо вложить. И у меня получается такая картина: то, что я зарабатываю, уходит обратно, и чтобы какую-то прибыль получить, надо три, четыре, пять лет. Прийти-то надо на голое поле — что-то делать, строить, параллельно поднимать поголовье... Что мне дали грант в 1,5 миллиона денег — я благодарен государству. Но в то же время я больше не буду, наверное, ничего брать, потому что условия. Мне приходится каждый месяц бегать — один отчет, второй отчет, туда-сюда... Купил я технику — отчитался, все до последней копейки... Она меня очень хорошо выручает. Я, конечно, не купил новую — бэушную, потому что новый трактор... вылезает за эти 1,5 миллиона. А остальное на что я куплю? Я поэтому бэушный трактор купил, бэушный пресс купил, но косу новую и захват для рулонов и навесное оборудование».*

Сложности хозяйствования Магомед связывает и с затратами на его организацию, и с проблемами сбыта. Так, его 76 компактно расположенных гектаров земли (один гектар взят под строительство, остальные — под пастбища) *«выходят в копеечку — мелиорация, вы-*

корчевка, потому что сплошной лес, бурьян, затоплено и испорчено». И сбыт у него *«трудный. Во-первых, приходится самому резать и реализовывать... На ферме надо построить забой, фасовочный цех, туда оборудование закупить, а оборудование стоит больших денег. Обратись хоть в Россельхозбанк, хоть в Сбербанк, ситуация такова: вы приезжаете к ним, подаете заявление на льготный кредит, они вам отказывают — "недостаточно залоговой базы, можем вам только коммерческий кредит предложить". Я удивляюсь, неужели они видят в людях дураков, которые не могут в математике разобраться? ...Льготный кредит под 5%, под 6% государство мне субсидирует, а кредит коммерческий от 15%. Если я льготный кредит не могу оплатить, я 15%, что ли, смогу оплатить? Я их позицию понимаю — они хотят заработать, и льготный кредит под 5–6% им давать невыгодно... Но тогда пусть они на каждом совещании не выступают с трибуны и не рекламируют, что дают кредиты. То, что банк говорит, с реальностью не сходится, поэтому я за кредитами не обращаюсь».*

Магомед положительно относится к опыту других фермеров по открытию собственных магазинов для сбыта продукции, но считает, что это очень трудно для такого начинающего фермера, как он: *«Когда-нибудь я тоже приду к этому — чтобы открыть свой магазин. Но чтобы магазин открыть, надо, чтобы был построен на ферме забойный цех, а у меня его нет — есть только площадка для забоя, и то я не пользуюсь... На все постройки у меня сейчас денег нет. Если я сам буду строить, тогда материал только нужен, а если найму подрядную организацию, чтобы мне построила, это в нынешнее время абсолютно для меня немыслимая сумма. Потом еще оборудование — мясо продавать... Здесь город маленький. Количество мяса, которое я могу поставить здесь, город не съест за один день свежее. А мясо, чтобы сохранилось, вакуумную упаковку надо — опять оборудование... В данный момент интереса не вижу, есть торговые сети, и они, конечно, убивают всех».*

Как свою главную проблему Магомед называет дефицит кадров: помимо него на ферме работает еще один человек, а на лето он нанимает сезонных работников (на время сенокоса нужны трактористы и помощники). Однако искать их приходится не в ближайших деревнях, где *«не найти трезвого человека... Работала у меня одна женщина — я ее отвозил кодировать, воспитывал, но все равно — и кодированная начала пить. Потом взял еще одного на работу — кодировал, воспитывал, уговаривал, показывал пример... А он взял у меня машину и пьяный ездил... Я не хочу больше пьяных людей на работе, вообще на ферме чтобы такие были, потому что пьяный человек — он неадекватный... Если животные привыкли к тому, чтобы ровно в пять часов вечера им давали зерно, им надо в пять его отдавать. Они не поймут, что пьяный человек где-то в вагонах лежит, у них начнется стрессовая ситуация. То, что вы месяц кормили, за два-три дня стрессо-*

вой ситуации они этот вес скинут, поэтому я не люблю, чтобы такие издевательства были... Вот приходится брать узбеков — я брал официально узбеков на работу. Паспорт одного до сих пор у меня — сам убежал. Он с фермы украл, продал 14 баранов, поменял на наркоту, потом ко мне начали с их диаспоры с угрозами звонить... После этого решил с этими людьми дела не иметь... Сейчас у меня работает один русский парень из города. Я стараюсь ему денег не давать, а переводить на карточку его матери... То, что необходимо на ферме, то, что он просит, ему покупаю. А остаток его зарплаты матери — переводом на карточку. В принципе он не пьет несколько месяцев... Человек в городе бомжевал — трудотерапию никто не отменял».

Несмотря на общую пессимистичную оценку сельского сообщества, Магомед все же отмечает в нем проблески предпринимательской инициативы, причем благодаря его собственному примеру: *«Несколько людей есть, которые на моем примере что-то начали делать. Я им оказываю помощь. Сейчас, например, в момент сенокоса, они мне тоже будут помогать... Кто начал одного-двух бычков держать, кому я сам несколько штук овец дал — они держат. Ну хотя бы для себя... Единственное, конечно, я понимаю, что одним своим примером... Постоянно же мне не находиться рядом с ними. Когда они со мной, у них другой образ жизни. Как только они попадают в другое общество, где можно круглосуточно водку пить, они там теряются... Если бы я мог их обеспечить работой в течение года, они бы постоянно находились в моем окружении... И сейчас приезжают молодые ребята, просят работу... но на ферме они ни к чему не приучены... Вот пить-курить в 16, 17, 18 лет уже могут, а работать...»*

С нашим четвертым героем мы косвенно познакомились по рассказам Магомеда — это Шамиль Х., который может считаться коренным жителем Бокситогорска — в третьем, если не в четвертом, поколении, причем и он сам, и его родители, и его деды занимались сельским хозяйством. Шамиль родился в Климове в 1980 году, когда здесь работал крупный совхоз «Новый быт» на 3,5 тысячи дойной скотины. Закончив здесь школу, он отучился в Санкт-Петербурге в торгово-экономическом техникуме, потом учился и прожил восемь лет в Липецке, но в конце концов вернулся в Бокситогорский район — в 2016 году вместе с семьей. В тот период семья получила грант на развитие хозяйства и, как это ни удивительно, не отметила с грантом *«особой мороки... По условиям надо было два года регистрироваться как крестьянско-фермерское хозяйство — зарегистрировались, налоги платили какие-то, а движухи не было, потому что пришлось выжидать срок в два года... Потому что без старта такого все равно никуда не пройти. А потом уже пошли займы более крупные — скотину приобрели (сейчас с молодняком уже 72 головы, к осени будет 41 голова дойных), движение какое-то пошло... Должны до 150 голов добраться — по крайней мере, план и цель такие есть».*

Планы Шамиля на укрупнение хозяйства не предполагают увеличения его кадрового состава. На данный момент на предприятии работает сам Шамиль с женой, тракторист, два скотника и доярка — всего шесть человек, но *«один скотник, бывает, запьет — приходится самому подменять... Потому что других нет. Чтобы кого-то из города вытягивать, своих же одноклассников, допустим, надо, во-первых, увеличить поголовье, чтобы сделать нормальную зарплату, хотя бы тысяч 25, чтобы они вернулись сюда. А зарплату такую можно сделать только с увеличением поголовья, потому что... сельское хозяйство вообще малоприбыльное — на бумаге-то одно, а по факту очень много затрат»*.

Одна из статей таких затрат — результат проблем с землей: с одной стороны, в постсоветский период все поля заросли, причем *«каменистые поля, не чернозем, и техника ломается — косы постоянно меняем, ножи и т. д.»*. С другой стороны, Шамиль вынужден решать вопросы оформления земли: *«У меня часть земли оформлена. У нас паевая земля, т. е. в совхозе нет земли, которая принадлежит району... — всем были выделены паи, кто раньше работал. Приходится выкупать — это свидетельство сначала (где-то 3,5 гектара тысяч за 5–6 рублей, а оформление около 20 тысяч вылезает, но его пока субсидируют — возвращают деньги после оформления, но время-то уходит — инфляция, лучше бы сразу выделили, а потом отчитался бы, куда дел), потом его за свой счет оформляешь, потом межевание, кадастр — оформление почти целый год идет, очень долго все происходит... Сейчас у меня оформлено около 40 гектаров, еще 30–40 в оформлении находятся. И незанятое, то, что зарастает, все равно приходится косить — земли не хватает... С удобрениями тоже пока еще проблемы — мне с завода не отгрузить 20 тонн, куда мне 20 тонн, когда я пока только начинаю? А там, где пообещают, потом сами истратят, и в результате я без удобрений остался — маленьких объемов не дают... Но кормами (однолетние — вика, овес, горох) практически сами себя обеспечиваем — только на май пришлось докупить три машины силоса с прицепом... Да и год тут дождливый был, с сеном вообще беда была. Считай, на зерносенаже были — раз в два дня только сено получалось вечером давать, что, конечно, плоховато для коров — сено надо регулярно давать... Из районной администрации субсидируют раз в квартал по кормам, но доля небольшая — на неделю, на две можно раз в квартал купить за их счет корма... Странно, что покупку скота не субсидируют вообще... Если бы была такая программа, я бы уже давно поголовьем ферму целую забил. Корова-то почти 85–90 тысяч стоит»*.

Как и другие сельские предприниматели, Шамиль обеспокоен сбытом продукции, которую преимущественно сдает на Сазоновский молокозавод в 80 км от хозяйства, *«потому что у нас все закрыты заводы — и Бокситогорск, и Тихвин, нигде линии нет — с этим туго. И возим сами в бочках. Они бы, конечно, за большим объе-*

мом, от трех тонн, может быть, и приезжали, но свои 900 литров мы им сами через день возим. Дают нам по 18,5 рублей за базисную жирность в 3–4%, а там уже перерасчет делается — где-то 22, 23, 24 рубля за литр получается, если не обманут по жирности... А солярка стоит в два раза дороже — ее-то не субсидируют».

Против идеи кооперации все опрошенные нами фермеры не возражают, но пока не видят возможностей для ее развития в своих поселениях и районах: *«Каждый сам за себя. Тут все поднимается вопрос — какой-то кооператив на базе фермерских хозяйств. Но я, честно говоря, не представляю, что он из себя будет представлять, потому что у одного мясо, допустим, птицы, у другого молоко, и оно скоропортящееся... Это как они должны кооперироваться? Ну я свез свое молоко — и все...»*

Как ни удивительно, но называя те же проблемы, что и другие фермеры, Шамиль все же настроен более оптимистично: *«Проблем куча в сельском хозяйстве, но ничего — все решаемо... В планах у нас до 150 дойных коров дойти. Плюс, может быть, еще параллельно направлением каким-нибудь заняться. Я бычков не продаю в этом году — хочу на мясо сдавать. Плюс, может быть, гусями еще заняться». Впрочем, оптимизм не мешает реалистично оценивать перспективы расширения хозяйства, учитывая нынешнее состояние сельхозугодий: «Поля очень заросшие, уже и леса есть, что полей не видно. Вот, справа поле было — картошку сажали, а сейчас лес стоит... Там хоть заново мелиорацию делай, окультуривание, или как это называется... А с этим окультуриванием очень много денег надо... Понятно, что где-то что-то возмещают, но где взять — чтобы это окультурить? Гектар те же 20–30 — это же чуть ли не миллион надо, чтобы окультурить... А где эти деньги выцарапать, чтобы вложить? Даже если через полгода или сколько-то там времени они тебе вернут... Все с опозданием идет, неправильно маленько».* Жизненный оптимизм Шамиля в сочетании с настроем на продолжение сельскохозяйственной деятельности позволяют охарактеризовать укорененную в районе семью предпринимателя как яркий пример тех очагов развития социального капитала, которые возникают в разных сельских районах России благодаря семейно-поколенческому сохранению сельхозпредприятий, государственной поддержке и внедрению новых технологий (сегодня сельское хозяйство не требует большого числа работников, и несколько человек могут выполнять практически весь объем работ).

Для сельских предпринимателей актуальна не столько проблема денег как таковых (их отсутствие в принципе или недостаточность для расширения и развития производства), сколько условия получения необходимых средств и избыточное изъятие у хозяйств имеющихся ресурсов (незаинтересованные в поддержке некрупного сельскохозяйственного производства банки и некомпетентные сотрудники налоговых органов). По мнению Шамиля, *«налоговики у нас очень слабые, безграмотные... Допустим, я беру заем, деньги личные вно-*

шу, а они их как прибыль мне считают. Но ведь это занятые деньги у людей — зачем их еще облагать процентами? То ли они специально в свою сторону клонят, то ли не знаю что — маловато специалистов нормальных в налоговой... И ни один банк не дал мне кредит. Минсельхоз заключил соглашение с банками — фермерам 5%. Даже слушать не хотят, что у тебя обороты... Никто ничего не дал... По телевизору одно, конечно, говорят, а на самом деле все это ерунда. Нет чтобы правительству выделить бабло фермерам напрямую, даже под те же 5%... Дайте эти деньги — зачем вам банки, какие-то сторонние организации, которые с этого кормятся? Дали бы напрямую — пускай работает человек, налоги выплачивает... Вы если хотите развить сельское хозяйство, вы выделите даже отдел специальный... По сути, в Россельхозбанке должен работать сельхозтоваропроизводитель... В том году я приходил, они говорят: "У нас указание сверху меньше 5 миллионов не давать, и вы не подходите". Но мы еще на начальной стадии — какие там 5 миллионов? Вы хоть 1–1,5 млн дайте мне, а потом уже смотрите, что да как».

В таких условиях даже у оптимиста Шамиля возникают упаднические настроения: *«В прошлом году хотел все бросить и уехать, потому что надоело мне — тяжело. Проблемы, а никому мы не нужны... Создают структуры, которые начинают нас с проверками туда-сюда... Сейчас год как с проверками более-менее тишина. А то уже надоели проверки на самом деле. Я же закрыл ООО только потому, что все эти проверки задолбали. Любая проверка — сразу штраф, минимум сотку надо заплатить... Шесть проверяющих приехало — 600 тысяч вынь да положь... Даже если минимально накладывают, все равно для меня это много».*

Итак, мы рассмотрели четыре «кейса» — двоих относительно недавно приехавших в северное Нечерноземье представителей советского сельско-предпринимательского интернационала и двоих фермеров из условных местных «старожилов». Все они сталкиваются с одними и теми же проблемами, с которыми уже несколько десятилетий борются сельские предприниматели (см., напр.: Фадеева, 2001), однако воспринимают российские реалии и несколько «со стороны», потому что знают, как может быть «иначе» — в местах их нынешней или исторической эмиграции. У недавно приехавших есть и специфические проблемы, но они не имеют национально-этнического измерения (не говоря уже о дискриминационной составляющей) — скорее это реакция «своих» (сельского сообщества) на «чужаков» (см., напр.: Фадеева, 2003), обусловленная в том числе и тем, что «неместные», как правило, более предпринимательски активны и полны энтузиазма, что вызывает у местных некоторую настороженность. Только один из наших героев столкнулся с открытым недоброжелательством со стороны местных жителей и действиями по разрушению/предотвращению развития его сельскохозяйственного производства — чаще речь идет о глухом непризнании попыток «чужака» расшевелить традиционное сельское затишье-смирение.

С одной стороны, между фермерами царит атмосфера взаимопомощи и взаимопонимания — они живут схожими надеждами, при случае помогают друг другу словом и делом, признавая, что сталкиваются с одними и теми же проблемами. С другой стороны, не может не удивлять исключительно неформальный характер взаимной поддержки — идеи формальной кооперации не находят места во взаимодействии фермеров: «каждый сам по себе» — этот рефрен встречается практически в каждом интервью. Это тем более удивительно, что сельскохозяйственная кооперация выступает одним из важнейших механизмов поддержки малых форм хозяйствования в сложные периоды — слабые экономические игроки ищут способы объединения, чтобы выдержать конкуренцию с более крупными и сильными (см., напр.: Овчинцева, 2020). Продолжающиеся трансформации аграрного сектора России сопровождаются тяжелыми социально-экономическими последствиями — в результате обеднения населения и разрушения социально-экономической инфраструктуры сельские территории теряют свой человеческий капитал (см., напр.: Румер-Зараев, 2020; Семин, 2009; Троцук, 2017; Шабанов, 2014), и, по крайней мере декларативно-номинально, поддержка и развитие кооперации и малых форм хозяйствования стала одним из приоритетов, войдя в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы (см., напр.: Крылатых, Фролова, 2019; Максимов, 2018а; 2018б).

Ежегодно регистрируются новые кооперативы, но их число неизменно оказывается меньше, чем число прекративших деятельность, потому что зачастую кооперативы существуют только номинально («мертвые души» кооперативной статистики): их официальная регистрация является лишь инструментом получения финансовой поддержки в рамках государственных программ (предприниматели регистрируют бизнес в кооперативной форме, рассчитывая получить субсидии, льготные кредиты и гранты, причем зарегистрированный, но не работающий кооператив сохраняется «на бумаге» даже после подачи заявки на конкурс — на тот случай, если появится желание или необходимость подавать заявку на будущий год), т. е. такие кооперативы — не реальные жизнеспособные формы совместной предпринимательской деятельности. Вряд ли следовало ожидать чего-то иного в ситуации, когда государство целенаправленно, крупными финансовыми вливаниями и прочими мерами поддерживает крупные агрохолдинги в рамках промышленного сельского хозяйства — мелкие и средние сельхозпроизводители понимают, что могут рассчитывать только на себя (см., напр.: Вегрен, Троцук, 2020). Вероятно, срабатывает и то соображение сельских предпринимателей, что, когда они работают по одиночке, местным сообществам видна их объективная несостоятельность в выполнении социальных функций прежних коллективных хозяйств, но как только они создают объединения, сельские муниципалитеты начинают серьезно рассчитывать на то, что успешные предприниматели-кооператоры будут совместно оказывать, по крайней мере,

благотворительную помощь сельским школам, клубам, учреждениям здравоохранения, муниципалитетам и храмам. Помимо объективных экономических и административных сложностей развитие кооперации мелких сельхозпроизводителей тормозит и общая социальная разобщенность — люди не доверяют друг другу и тем более властям, особенно когда те обещают всемерную поддержку и легкие кредиты.

Принципиальный настрой на одиночную борьбу со сложными и разнообразными жизненными обстоятельствами на пути к успешному сельскохозяйственному производству тем более удивителен, что все фермеры, независимо от стажа работы и тем более национальности и миграционной траектории, жалуются на невозможность воспользоваться предоставляемой государством поддержкой (пусть и весьма ограниченной), потому что субсидии и льготное кредитование требуют значительных размеров производства. Расширению фермерских хозяйств мешают и кабальные условия государственных грантов, и очень жесткий, явно избыточный административный контроль (в том числе на районном и региональном уровне). Государство (в лице своих представителей на всех уровнях административной вертикали), как и в советское время, постоянно подозревает любого человека если не в прямом воровстве (уходе от налогов, сокрытии прибыли и пр.), то в попытках утаивания того, что государство имеет право изъять в свою пользу. Еще в далеком XVIII веке многие российские беды, особенно экономические, находили простое объяснение — «воруют». В отличие от коррупционеров, встроенных во властные иерархии российских институций, фермеры в дурной стереотип «всеворовства» не укладываются — в массе своей им просто нечего утаивать и воровать, не говоря уже о том, что мелкие и средние сельские предприниматели, напротив, прилагают массу усилий, чтобы сохранить сельские территории и восстановить сельскохозяйственное производство, а потому чаще бескорыстно вкладывают свои средства в их развитие, чем пытаются в чем-то обделить обедневшее сельское население и что-то получить с депрессивно-дотационных сельских муниципалитетов.

Один из респондентов дал простую, но очень показательную для сельско-предпринимательского сообщества характеристику законодателей: «Я понимаю, что Дума — это люди, которые должны думать, в отличие от фермеров. Фермер должен работать, а в Думе должны думать. Но никаких умных мыслей из Думы я не вижу. Потому что, например, сейчас повышение НДС по кому ударит? По мне ударит. Повышение пенсионного возраста по кому ударит? По мне ударит. Повышение цен на топливо по кому ударит? По мне ударит». С такой оценкой скорее всего согласится большинство фермеров и председателей доживающих свой век постсоветских колхозов, которые прилагают максимум усилий, чтобы не сбылся весьма убедительный прогноз, обусловленный постоянным миграционном оттоком сельского населения в города (см., напр.: Божков, Игнатова, 2020; Комплексное исследование..., 2015): «Нечерноземье и Европейский Север не имеют сколько-нибудь значимого человеческого потенциала для развития. Вымирание

и отток населения определяют постепенное угасание сельской местности на периферии и столь же постепенную концентрацию у крупных городов, где возможны отдельные случаи развития эффективного сельского хозяйства для нужд этих городов» (Румер-Зараев, 2020: 245).

Библиография

Божков О.Б. (2019). Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 19. № 4.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2015). Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Вып. 10. М.: Дело.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2017). Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1.

Божков О.Б., Игнатова С.Н. (2020). Процессы миграции и социальная память поколений // Labyrinth. Теории и практики культуры. № 1.

Божков О.Б., Троцук И.В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4.

Вегрен С.К., Троцук И.В. (2020). Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. Т. 21. № 5.

Игнатова С.Н. (2016). Трудовая биография как объект исследования // Социологический журнал. Т. 22. № 4.

Комплексное исследование региональных рынков труда: структурные дисбалансы и поведение участников (2015) / Т.М. Малеева и др. М.: РАНХиГС. URL: http://www.ranepa.ru/images/insap/insap/issledovanie-rinkov-truda.pdf

Крылатых Э.Н., Фролова Е.Ю. (2019). Потребительская кооперация и фермеры: взаимные интересы // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. № 2.

Максимов А.Ф. (2018а). Количественный анализ и оценка численности сельскохозяйственных потребительских кооперативов // Прикладные экономические исследования. № 6.

Максимов А.Ф. (2018б). Особенности функционирования сельскохозяйственных потребительских кооперативов в современных условиях // Никоновские чтения. № 23.

Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов (2014). Сб. материалов Международной научно-практической конференции / Отв. за выпуск И.А. Соловьев. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.

Овчинцева Л.А. (2020). Метод кейс-стади в исследованиях российской сельской кооперации // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3.

Румер-Зараев М.З. (2020). Хождение по руинам: портреты трех сельских районов на фоне новейшей истории. М.–СПб.: Нестор-История.

Семин А.Н. (2009). Сельская бедность: факторы генерации и механизмы преодоления // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 12.

Троцук И.В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4.

Троцук И.В. (2017). Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. Т. 2. № 3.

Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р. (2008). Этнические предприниматели // Экономическая социология. Т. 9. № 5.

Фадеева О.П. (2001). Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. Т. 2. № 2.

Фадеева О.П. (2003). Сельские предприниматели в местном сообществе // Экономическая социология. Т. 4. № 2.

Шабанов В.Л. (2014). Факторы и причины сельской бедности в современной России // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Т. 14. № 4.

Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region

Oleg B. Bozhkov, Senior Researcher, Sociological Institute — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005. E-mail: olegbozh@gmail.com.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

The article presents the life trajectories of representatives of those national groups that became active rural entrepreneurs in the North-West Region of Russia at different times. Unfortunately, we have not yet considered the national-ethnic aspect of rural entrepreneurship in our research projects [see, e.g.: Bozhkov, 2019; Bozhkov, Ignatova, 2015; 2017; Bozhkov, Trotsuk, 2018; Ignatova, 2016]. The article focuses on various problems that the migrants from different former republics of the Soviet Union face in the zones of risky Russian agriculture. The empirical basis of the article is the data (transcripts of interviews and field observations) of sociological expeditions supported by the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research in 2005–2008 and 2018–2019. The four 'cases' confirm the hypothesis that, regardless of the migration-generational trajectory and activities in the Russian countryside, all entrepreneurs face the same problems (labor shortage, abandoned production facilities and dilapidated social infrastructure, expensive loans and harsh tax and administrative pressure 'from above' — despite the declarative-nominal support of the state, the general atmosphere of social distrust, the lack of traditions and skills of real cooperation, and so on). There is some specificity of such problems; however, it is determined not by the national-ethnic factor, but rather by the reaction of the traditional rural community to 'outsiders' who bring their own rules and disrupt the routine of local life (with its unemployment, impoverishment, desolation and alcoholism).

Key words: migration, nationality, rural entrepreneurs, northern Non-Black-Earth Region, local communities, cooperation, government support

References

Bozhkov O.B. (2019) Semenoe predprinimatelstvo na sele: shtrikhi k portretu [Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 4.

Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2015) Rossiysky selskokhozyaystvenny predprinimatel: formirovanie i vosproizvodstvo sotsialnoy gruppy [Russian agricultural entrepreneur: Formation and reproduction of the social group]. *Krestiyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost*. Vyp. 10, Moscow: Delo.

Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2017) Regionalnye praktiki vzaimodeystviya biznesa i vlasti (na primere Severo-Zapada RF) [Regional practices of business and the authorities' interaction (the Russian North-West case)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1.

Bozhkov O.B., Ignatova S.N. (2020) Protsessy migratsii i sotsialnaia pamiat pokolenij [Processes of migration and social memory of generations]. *Labirint*, no 1.

Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. (2018) Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatelskoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 4.

Fadeeva O.P. (2001). Neformalnaya zanyatost v sibirskom sele [Informal employment in the Siberian countryside]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 2, no 2.

Fadeeva O.P. (2003) Selskie predprinimateli v mestnom soobshchestve [Rural entrepreneurs in the local community]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 4, no 2.

Ignatova S.N. (2016) Trudovaya biografiya kak ob`ekt issledovaniya [Labor biography as a research object]. *Sotsiologichesky Zhurnal*, vol. 22, no 4.

Kompleksnoe issledovanie regionalnykh rynkov truda: strukturnye disbalansy i povedenie uchastnikov [A Comprehensive Study of Regional Labor Markets: Structural Imbalances and Actors' Behavior] (2015). T.M. Maleeva i dr. Moscow: RANKhiGS. URL: http://www.ranepa.ru/images/insap/insap/issledovanie-rinkov-truda.pdf.

Krylatykh E.N., Frolova E.Yu. (2019) Potrebitelskaya kooperatsiya i fermery: vzaimnye interesy [Consumer cooperation and farmers: Mutual interests]. *Fundamentalnye i Prikladnye Issledovaniya Kooperativnogo Sektora Ekonomiki*, no 2.

Maksimov A.F. (2018a) Kolichestvenny analiz i otsenka chislennosti selskokhozyaystvennykh potrebitelskikh kooperativov [Quantitative analysis and assessment of the number of agricultural consumer cooperatives]. *Prikladnye Ekonomicheskie Issledovaniya*, no 6.

Maksimov A.F. (2018b) Osobennosti funktsionirovaniya selskokhozyaystvennykh potrebitelskikh kooperativov v sovremennykh usloviyakh [Features of the agricultural consumer cooperatives in the contemporary conditions]. *Nikonovskie Chteniya*, vol. 23.

Migratsionnye protsessy: problemy adaptatsii i integratsii migrantov (2014) [Migration Processes: Issues of Adaptation and Integration of Migrants]. Sb. materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otv. za vypusk I.A. Soloviev, Stavropol: Severo-Kavkazsky federalny universitet.

Ovchintseva L.A. (2020) Metod keys-stadi v issledovaniyah rossiyskoy selskoj kooperatsii [Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3.

Rumer-Zaraev M.Z. (2020) *Khozhdenie po ruinam: portrety trekh selskikh rayonov na fone noveyshey istorii* [Walking in the Ruins: Portraits of Three Rural Areas in the Framework of Recent History], Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

Semin A.N. (2009) Selskaya bednost: faktory generatsii i mekhanizmy preodoleniya [Rural poverty: Factors of development and mechanisms of overcoming]. *Ekonomika Selskokhozyaystvennykh i Pererabatyvayushchikh Predpriyatiy*, no 12.

Shabanov V.L. (2014) Faktory i prichiny selskoy bednosti v sovremennoy Rossii [Factors and causes of rural poverty in contemporary Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 14, no 4.

Trotsuk I.V. (2007) Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Possibilities of the case study method in the study of rural social problems]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4.

Trotsuk I.V. (2017) Putevoditel po postsovetskoy agrarnoy reforme v Rossii: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 3.

Waldinger R., Aldrich H., Ward R. (2008) Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 9, no 5.

Wegren S.K., Trotsuk I.V. (2020) Ustoychivo li promyshlennoe selskoe khozyaystvo v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i ekologicheskikh ugroz? [Is industrial agriculture sustainable during climate change and ecological threats?]. *Journal of Economic Sociology,* vol. 21, no 5.